

~~Сергей ЗВЕРЕВ~~

A-BOP В ЗАКОНЕ

**ГОРОД
СТРАХА**

2

Сергей Зверев

Город страха

«ЭКСМО»

2015

Зверев С. И.

Город страха / С. И. Зверев — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-68922-4

В тихом уральском городке Харитоново с недавних пор стало неспокойно: неизвестно откуда понаехали «братки» и принялись методично выживать горожан с насиженных мест. Народ начал было сопротивляться, но тогда на улицах стали находить трупы особенно активных борцов с бандитами. В городе поселился страх. Люди бросали дома и уезжали из Харитонова целыми семьями. Информация о том, что небольшой уральский город терроризируют преступники, а местные правоохранительные органы бездействуют, попадает начальнику Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга, и тот отправляет в Харитоново своего лучшего сотрудника – капитана Антона Копаева...

ISBN 978-5-699-68922-4

© Зверев С. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Город страха

© Зверев С. И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Дом Ковригина стоял на невысоком яру над рекой Чусовой. Когда-то здесь располагалась контора лесхоза, но захирело хозяйство еще в советские времена. Потом, как водится, остатки строений и оборудования растащили местные жители. В 90-е на этом же месте пытался обосноваться «новый русский» под уголовной кличкой Гвоздь. Сам он давно уже отидался в областном центре, где навар был жирнее, а в Харитонове у него жили мать и сестра. На этом яру, откуда открывался красивый вид на реку, он и решил построить свой особняк. Для матери, как это водится, и для себя, чтобы приезжать и отдыхать от трудов, далеко не праведных.

Дом новоявленный барин так и не достроил, остался от него лишь незаконченный фундамент. Сам он, как говорят, все-таки сел, потому что наехал на кого-то не того, и сдали его с потрохами на судилище. А в колонии его просто убили такие же ухари потому, что он чего-то с кем-то там не поделил, или потому, что кому-то что-то не так сказал.

А потом, когда страсти в стране начального капитализма поулеглись, когда появились соответствующее и вполне приемлемое законодательство и даже льготы для малого и среднего бизнеса, здесь обосновался предприниматель Ковригин. Он сам выбрал это место и вполне законно взял в аренду потому, что тут деревья и скалы не закрывали от солнца его теплицы, где с весны и до поздней осени он выращивал на продажу овощи и цветы. А еще здесь на солнечной стороне росли медовые травы: тимофеевка, оносма, чабрец, горицвет да василисник с прострелом. А с цветов этих трав пчелы давали замечательный светлый мед, который славился еще и своими целебными свойствами.

Сегодня ночь выдалась пасмурная, ветреная. Олег Николаевич Ковригин вышел проверить теплицы, убедиться, что хорошо закрыты двери и отдушины, которые ветром могло порвать. Он обошел теплицы, закурил, поглядывая на черное беззвездное небо. Ветром из сигареты высекало искры, которые уносило в деревья. Затушив ногой окурок, предприниматель решил проверить еще и ульи. Мало ли что, вдруг лотки приоткрыты, вдруг ветер будет задувать внутрь. А как дождь? Зальет соты!

Решительно скинув ватник, накинутый на плечи, Ковригин надел его в рукава и пошел по тропинке к ульям. Тут ему и преградила путь темная фигура.

– Здорово, Ковригин! – недобрым голосом произнес человек. – Че не спится?

– Тьфу… – отшатнулся предприниматель и сплюнул. – Напугал! Ты кто?

– Дед пихто! И какая тебе разница? Не о том ты думаешь, Ковригин, не тем у тебя голова забита. Ну-ка, вспомни последнее предупреждение?

– Ах вы суки, – попятился предприниматель, но тут из-за ближайших деревьев вышли еще четверо темных личностей, чьих лиц было не видно. – Значит, так решили…

– Значит, так! – грубо отрезал незнакомец. – Ну-ка, пошли в дом. Поговорим.

– Я… – заартчился Ковригин, у которого внутри все похолодело от недоброго предчувствия. – Не подходи, сука, застрелю…

Удар сзади по голове заставил потерять равновесие. Боль была тупой и охватывала половину головы вокруг темени и затылка. Ковригин застонал, схватился за голову, но ноги стали какими-то непослушными. Они подогнулись, а земля вдруг надвинулась на лицо.

Потом он чувствовал и видел, как сквозь туман. Его несли, волоча ноги по земле. И один сапог норовил соскочить, но так и остался на ноге, съехав с пятки. Потом скрип двери, электрический свет в глаза, пронзительный визг жены. Потом в лицо стали плескать холодной водой, потом на голову вылили много воды, и Ковригину стало легче. Он повозился на мокром полу и уселся. Ощущать собственную беспомощность было дико и нелепо.

– Ну, поговорим? – снова раздался все тот же голос.

Ковригин поднял ноющую голову и посмотрел вверх. Сердце сразу сжалось негодованием, страхом и болью. Двое парней неприятного вида держали вырывающуюся жену Марину, причем один зажимал ее рот. На стуле, почти касаясь предпринимателя ногами в армейских черных берцах, сидел человек с короткой стрижкой и большой головой. Он смотрел снисходительно на Ковригина, как на больного человека.

– Ты? – удивился Ковригин. – Ты же этот, ты же бывший полицейский, ты же участковым был...

– И че? – удивился человек и даже оглянулся на своих помощников, как бы ища у них понимания. – Бывшие участковые жрать не хотят? Это очень хреново, Олег Николаевич, что ты меня в таком качестве вспомнил. Теперь тебе вдвойне тяжелее придется. Значит, так! Или ты сейчас подписываешь бумаги, касающиеся земельного участка, или мы забираем в заложники твоего сына.

Марина задергалась в руках двух крепких парней и едва не вырвалась, заливаясь слезами и хрюпая.

– Вон, видишь, как жена реагирует? Пожалел бы супругу. А мальчонка и так больной, он ведь дэцэпэшник¹ у вас? А я не смогу обеспечить ему надлежащих условий. Вот ведь беда!

– Ну ты и сволочь, – закашлялся Ковригин и схватился за голову, которая от кашля стала болезненно пульсировать в месте удара.

Гость вздохнул и кивнул головой своим помощникам. Ковригин не понял, что эти люди собираются делать. Он даже подумал напугать их обещанием завтра написать заявление в полицию и прокуратуру. Не очень верилось, что это кого-то напугает, по району много ходило слухов о беспределе, за которым стояли в том числе и полицейские, и коммерсанты, и просто бандиты. Не очень верилось, но он намеревался попробовать.

Ковригин хотел встать с пола, но поскользнулся, когда увидел, что его жене ловко и быстро заклеили рот скотчем. Нервы сдали, и удар по голове сказался. И вдруг его жену наотмашь один из парней ударил по лицу. Удар был звучный и хлесткий. Марина потеряла равновесие и упала набок на пол. Ее подхватили и снова рывком поставили на ноги. Женщина плакала беззвучно, трясясь вся, как паралитик. Зрелище было страшное. И страшнее всего было понимание, что ты бессилен.

– Оставь, гад! – фальцетом закричал Ковригин и заскреб сапогами по полу, пытаясь найти точку опоры.

Но пришлось тут же замолчать и снова сесть. В горло ему уперлась холодная сталь ножа. Главарь наклонился к Ковригину и злобно прошипел:

– Лежи, падаль! Дернешься, и я тебе глотку проткну. На ее глазах проткну! А потом мы ее трахать будем, пока ты еще в состоянии видеть белый свет. На твоих глазах! Понял? Или ты хочешь, чтобы мы твоего поганца прямо вот на этом полу выпотрошили? Ты скажи, что предпочитаешь? Мы все можем, потому что за нами истинная власть в этом районе. Будешь сопротивляться – сдохнешь! И семья твоя подохнет в муках! Уж я об этом позабочусь. Делай, что тебе говорят, и жить будешь! Жить, понимаешь? Еще и денег получишь за свою рухлядь. Все законно, только решение прими правильное!

Ковригин с ужасом слушал страшные слова и понимал, что не врал народ, что все так и случалось с другими несогласными, с теми, кто не стал покладистым и говорчивым. Он смотрел на белое лицо жены, на ее выпученные от ужаса бессмысленные глаза. А еще он видел, как из-под домашнего халатика бежит моча, растекаясь по полу...

А наверху в своей комнате лежит на кроватке их беда и горе – сын Максимка. Больной, скрюченный и жалкий. И как ни крепился Ковригин, как ни пытался себя сдержать, но лицо само начало корчиться в болезненной гримасе. Он вдруг с полной отчетливостью понял, пове-

¹ Детский церебральный паралич – собирательный термин, объединяющий группу хронических двигательных нарушений.

рил, что эти типы могут и обязательно, даже с удовольствием, выполнять все обещанное с ним, Мариной, с сыном. Ни перед чем они не останавливаются, потому что кому-то нужен этот яр над рекой, эта земля. И он всесилен. И никто Ковригина с его семьей не защитит.

По щекам потекли слезы. Жгучие, горькие... Слезы бессилия, отчаяния... Ковригину не было стыдно за них ни перед бандитами, во главе которых был бывший полицейский, ни перед женой, ни перед собой... Разве может быть стыдно кричать и плакать в тот миг, когда ты осознаешь, что самолет, в котором ты летишь, вдруг начинает падать. Ты просто оказываешься лицом к лицу со своей смертью. Один на один, несмотря на то что рядом с тобой десятки людей. Это спасаются все вместе, а умирает каждый в одиночестве, сам.

Сейчас Ковригин не чувствовал себя членом общества. В нескольких сотнях метров жили люди, тысячи людей. Там была власть, районные депутаты, администрация Харитоновского муниципального района, были магазины, отделения банков, почта, полиция. Там была цивилизация, и в то же время она была где-то очень далеко, на другом континенте, недосягаема, как джунгли Амазонки. Она где-то там, а бандиты и нож у горла – это все здесь.

И самое страшное было даже не это. Самым страшным было то, что выживи он сегодня, и завтра он все равно не получил бы помощи, не почувствовал бы себя в безопасности. Некому было его защитить. Те, кто должен был это делать, сами же ему намекнут, что надо договариваться, идти на уступки. И все потому, что он простой смертный, а правят в районе другие. Всемогущие! Они боги, а он пыль под ногами, дермо... К такому состоянию, к пониманию, что ты дермо под ногами, обычно привыкают долго. А кое-кто так и не привыкает. Тогда он или кончает с собой от стыда и безысходности, либо... ему помогают.

Капитан полиции Антон Копаев шел домой по темным улицам Екатеринбурга. Такова его работа, такова его участь, таков его крест, который он сам взвалил на себя. Приходить всегда поздно, долго и тщательно «проверяться», нет ли за ним слежки. Проверяться надо обязательно, потому что он оперативник Управления собственной безопасности ГУВД, потому что очень многие хотят ему отомстить. Из тех, кто пока остался на свободе, дружков и родственников тех, кто благодаря Антону схвачен за руку, кто находится под следствием, кто уже осужден за черные дела.

И не защитит Антона Копаева форма офицера полиции, потому что о его принадлежности к органам знает только кто-то в «кадрах», но дела таких, как Антон, хранятся в отдельных сейфах, и работают с ними только проверенные люди. И знает его непосредственный руководитель – начальник Управления собственной безопасности полковник Быков. И вся работа Антона заключается в негласных разработках, внедрении в преступные группы, установлении доверительных отношений с преступниками, с теми, кого принято называть оборотнями в погонах, кто позорит и дискредитирует полицию, кто предает ее, предает свой народ, кто стал преступником, все еще продолжая носить полицейские погоны.

Не вчера и не сразу Антон встал на путь этой борьбы. Надо было пройти через многое: через гибель собственной матери, над которой надругался и которую убил один из участковых милиционеров (тогда это была еще милиция). Нужно было пройти через понимание ее смерти, через десяток лет сознательной подготовки себя к мести. Нужно было пройти через эту месть, найти убийцу.

А потом нужно было еще найти самого себя в жизни. Тогда, осознавая, что месть свершилась, Антон еще не задумывался о дальнейшей своей жизни. И если бы не Алексей Алексеевич Быков, то неизвестно где и кем был бы сейчас Антон. Но мудрый Быков разглядел в Антоне нужные качества. И теперь годы самостоятельной подготовки, годы службы в спецназе ВДВ, годы учебы в Юридическом институте МВД не пропали даром. Быков убедил Антона, что с изобличением одного преступника в погонах мир лучше не стал. И если иметь перед собой цель, то цель должна быть благородной. Не своя личная цель, не личная обида,

не личная месть. Надо продолжать защищать других людей, бороться со злом в иных масштабах.

И Антон принял предложение Быкова, перешел в его управление. Но он не перестал быть мстителем. Он перестал мстить только за себя, только за свою мать. Теперь он мстил всем оборотням за всех, кого они унизили, убили, обокрали, за все зло, которое эти оборотни несут в мир людей.

Слежки за ним, конечно же, не было, но привыкать к чувству безопасности не стоит. Один миг, и безопасность закончилась. Всего один миг, и за тобой начнется охота, а ты его пропустишь. И Антон был готов всегда. Он всегда очень осторожно подходил к своему дому, он всегда очень тщательно проверял свои хитрые ловушки, по которым можно определить, пытался ли кто вскрыть его входную дверь, проникал ли кто внутрь.

Еще не успев до конца оценить ситуацию, степень опасности, которую она может нести, Антон мгновенно, одним прыжком, оказался в темноте за деревьями, куда не доставал свет уличных фонарей. В конце тротуара стояла машина «Скорой помощи». На носилках в машине уже лежал какой-то человек, и возле него суетились медики. Антон сразу узнал этого человека. Но не потому, что разглядел его лицо или одежду. Рядом с машиной сидела огромная кавказская овчарка, а ее Антон знал. Серо-буровый окрас, светлые лапы и почти черная морда в обрамлении мощной шерсти на загривке.

Собаку звали Огр. Было в ней что-то ирреальное, как и в образе злобных фантастических существ – огров, – убийц, созданных волшебником из книги «Властелин колец». Антон никогда не видел Огра агрессивным. Внимательным, настороженным, готовым броситься на защиту хозяина – да, но злобно лающим, кидающимся на всех без разбору – нет.

Антон не знал имени хозяина, хотя они были знакомы. Просто очень часто, возвращаясь домой далеко за полночь, Антон видел этого плечистого мужчину лет пятидесяти, гуляющего с собакой. Как-то само собой получилось, что однажды они разговорились. Так, ни о чем. О погоде, о жизни, естественно, о животных вообще и о собаках в частности. Они не представлялись друг другу, не называли имен. Просто Антон услышал, как этот человек подзывал собаку именем Огр.

По некоторым признакам, по отдельным словам и высказываниям, Антон понял, что этот человек в прошлом военный или служил в каком-то спецподразделении. И что он в свое время прошел войну в Афганистане. А потом как-то у них произошел разговор о всеобщем современном пофигизме. О том, что сформировалась целая культура, основанная на наплевательском отношении к окружающим людям. Современному поколению не просто наплевать на то, что о нем думают другие, каким человеком он выглядит в их глазах. Все зашло, как считал сосед, гораздо дальше. Люди не считают теперь зазорным чуть ли не гадить на головы другим. Выбросить бытовой мусор из окна квартиры на газон – обычное явление. Бросить пакет с мусором мимо мусорного бака… А уж что говорить о манере ездить по дорогам, парковаться. Сложился даже определенный сленг среди водителей, который определял таких людей как «автомахов».

Хороший был мужик. Курил много, много говорил, но это и понятно. Если жизнь у него была нелегкой, а теперь он один-одинешенек в квартире, то удивляться нечему. Собака, конечно, друг, но с ней не поговоришь. Точнее, поговорить можно, ответов не услышишь. А человеку нужен человеческий голос, живое общение, понимание.

Вспоминая их полуночные посиделки на лавке, Антон подошел к машине «Скорой помощи», когда там уже собирались закрыть дверь.

– Что с ним? – спросил Антон.

– Сердечный приступ, – ответил врач, на миг замерев у двери и внимательно глядя на Антона. – Ничего страшного: подлечат, сердечко подкормят. А вы… знакомый, родственник?

– Нет, – покачал Антон головой, покосившись на Огра, который сидел на земле и тревожно смотрел внутрь машины. – Сосед. Вижу его, как он с собакой гуляет тут все время.

– Ну вот вы о ней и позаботитесь, – улыбнулся врач. – Не в больницу же нам этого красавца везти.

Антон открыл было рот, но дверь захлопнулась, заурчал мотор, и машина двинулась вдоль домов в сторону улицы. Антон ошеломленно посмотрел на собаку. Эй, ребята! Я не могу, нет у меня возможности… Огр повернул свою мощную голову к человеку и понимающе посмотрел ему в глаза. Да, неприятно, правда?

– Что ты смотришь на меня? – огрызнулся Антон. – Вот ситуация дурацкая. Бросили тебя на улице…

Огр шевельнул одной бровью, приподнял свой лохматый зад, потоптался и сел снова, но теперь уже мордой к Антону. Смотрел выждающее.

– Ты на что намекаешь? – нахмурился Антон еще больше и засунул руки в карманы. – Между прочим, мы с тобой даже незнакомы. Подумаешь, я с твоим хозяином несколько раз на лавке посидел да о жизни поболтал. Я даже не знаю, как его зовут.

Собака странно кивнула головой, потом передней лапой стала тереть ухо, как будто в него что-то попало. Или так, как будто не хотела слушать возражений. Например, пытаясь отшутьнуть «лапшу с ушей». У людей это так называется. Антон вздохнул. Бросать этого красавца и умницу на улице ему явно не хотелось. Но какой выход? Не в квартиру же его к себе брать? Завтра Антон уйдет на весь день, может и ночевать не прийти. А этого зверюгу нужно кормить, выгуливать. Нет, нет и нет!

Огр перестал теребить лапой ухо, поднял на Антона морду. Он приоткрыл рот и снова его захлопнул с еле слышным высоким звуком. Не заскулил, а коротко попросил или позвал. И в его умных глазах появилось вроде недоумения. Мол, а что делать? Другого выхода все равно нет.

– Слушай, – возмутился Антон, понимая, что решение все же созрело, – ты на меня не дави. Знаем мы эти поскуливания, эти проникновенные взгляды. А вот чего я не знаю – как и чем тебя кормить.

Огр мгновенно очутился на четырех лапах в напружиненной позе. Он посмотрел на человека, потом в сторону улицы. Антон сначала не понял, решил, что собака почуяла людей или другую собаку. Но потом как-то неожиданно для себя сообразил, что в половине квартала отсюда есть круглосуточный магазин. А в нем в том числе и собачья еда всех видов. То, что пес понял его слова и позвал в магазин за едой, предполагать было глупо. Антон потряс головой и отогнал наваждение.

– Я не могу идти с тобой в магазин без поводка. Там дорога, люди…

Он не успел договорить, как по асфальту порскнули собачьи когти, и лохматая туша помчалась по аллее в сторону ближайшей лавки. Назад Огр затрусил более степенно, как будто устыдился своей горячности и торопливости. Все-таки он солидная собака. И у этой собаки в пасти был сложенный поводок. Подойдя к опешившему Антону, Огр сел, продолжая держать поводок в зубах, и посмотрел в глаза. Потом с пониманием нагнул голову и положил поводок к ногам Антона. Какие проблемы, человек? Все решаемо, пошли.

– Та-ак! – Антон присел на корточки перед собакой и посмотрел ей в глаза. – Значит, ты считаешь себя очень умным, да? Мысли мои читаешь? Речь человеческую понимаешь? А с чего ты взял, что я все решил? Бред все это и фантастика, далекая от истины.

Огр снова клацнул мощными челюстями и издал короткий звук «аф». Это выглядело так, будто он предлагал закончить наконец болтовню об очевидном и заняться, черт возьми, делом. Покупкой для него еды!

Антон выругался, взял с асфальта поводок и поднялся на ноги. Огр с готовностью вскочил и занял позицию возле левого бедра человека. Как и положено по команде «рядом». Полу-

чалось, что собака признала его временным хозяином взамен заболевшего постоянного. Антон с подозрением посмотрел на Огра. Тот поднял глаза, полные недоумения, и многозначительно фыркнул. У Антона появилось некоторое сомнение относительно своего статуса. Что-то неподобное, что ему уготовили роль хозяина, хотя и временного. Скорее всего, этот ушлый тип с мощным загривком назначил его ответственным за кормление на время отсутствия настоящего хозяина. Ведь он видел Антона с ним, и не раз видел. Значит, доверять можно.

И еще одно подозрение почему-то появилось в голове Антона. Он засомневался, что Огр пропал бы без хозяина за несколько дней. Прожил бы, и прекрасно прожил, в мусорные баки выбрасывают остатки пищи... Только нет у него желания питаться обедками... Зачем, если можно заставить вот этого человека заботиться? Он человек, он обязан! И не разделяет ли Огр еще и теорию своего хозяина о пофигистах, расплодившихся в последнее время в стране? Вот и решай: пофигист ты и пройдешь мимо или приличный человек и позабочишься о собаке, с которой знаком. Тыфу, зараза лохматая! Тебя мне еще не хватает для полного счастья...

Машина неслась на северо-запад, а Огр, как и положено собаке, торчал своей огромной мордой в окне. И ведь не раздражает его ветер, который заставляет щуриться, раздувает шерсть, щекочет ноздри. Хорошо еще, что Антон отправился в командировку на служебной «99-й». Все-таки старушка, не так жалко, если этот громила поцарапает когтями что-то. Правда, пришлось купить новые чехлы на сиденья.

Честно говоря, это было не единственное, что Антону «пришлось». Ему пришлось в первое же утро убежать из дома в шесть утра и оставить собаку там одну. И весь день думать о ней потому, что он не вывел Огра на улицу «по делам». Он ведь тогда вернулся домой с новоявленным жильцом в два часа ночи. Будет Огр терпеть до вечера (до позднего вечера) или «отомстит» ему в прихожей на половичок.

Огр не отомстил, но встретил Антона, когда тот вернулся около часа ночи, таким взглядом, что человеку захотелось провалиться сквозь землю от стыда. И это при том, что он был и не виноват. Собака очень снисходительно стащила с тумбочки поводок и подошла к двери. Спина и затылок были полны негодования и презрения. Антон нахмурился и заявил, что должен сначала поужинать. Ведь некоторые тут весь день жрали, когда хотели, а он весь день...

Собака не дослушала до конца этот жалкий лепет и стала довольно подозрительно обнюхивать половничок у входа. Антон решил не испытывать судьбу и, понося последними словами всех хитроумных и предприимчивых собак на свете, принял с снова надевать легкомысленно снятые перед этим ботинки. Ему даже показалось, что Огр многозначительно усмехнулся. Хотя, возможно, ему просто попала пыль в нос.

А потом было два дня мучений. Выгул в час ночи, три часа сна, и снова выгул – теперь уже в пять. Это были вечерняя и утренняя прогулки, только по причине особенностей работы Антона интервал между ними был слишком мал. Но оставлять собаку без туалета на сутки он не мог. Потом часок дремоты под звуки чавканья Огра возле своей чашки. Причем он все время зачем-то громыхал ею по полу. Потом приходилось все же вставать и каждый раз перешагивать через огромную волосатую тушу, перегородившую дорогу из комнаты в кухню и санузел. Причем туша недовольно фыркала каждый раз, когда Антон через нее перешагивал.

А потом он получил задание от Быкова и не мог возразить и признаться в сложностях личного характера, которые у него возникли дома. Быков не поверил бы в эту чушь с незнакомой собакой и принял бы язвительно шутить по поводу девушек и котов. Он в таких случаях всегда вспоминал один и тот же анекдот про кота, которого спрашивали, а правда ли, что в марте с ним творится что-то необычное. Кот глубокомысленно отвечал, что да, и в марте тоже.

В результате Антон ехал в командировку с напарником, которого стоило больших усилий уговорить куда-то ехать из теплой квартиры. Он даже утащил из дома свой новенький красный

коврик, который купил ему Антон. Теперь коврик лежал на полу перед передним сиденьем, а само сиденье было максимально сдвинуто назад. Места кавказской овчарке все равно было мало.

Антон поглядывал на Огра и думал о задании. Харитоновский район, сто восемьдесят километров по прямой и около двухсот пятидесяти – по шоссе. Быков утверждает, что там красивейшие места по берегам реки Чусовой. И на этих берегах творится сплошное безобразие. Какие-то дельцы вполне успешно освобождают там земли под коммерческое использование. А всех неугодных, будь то простое население или мелкие предприниматели, всеми правдами и неправдами выгоняют. Методы у них вполне в духе 90-х годов, то есть откровенно криминальные. И вся беда в том, что местная полиция не просто смотрит на все происходящее сквозь пальцы, а чуть ли не сама занимается организацией активного давления на несговорчивых.

Все это было оперативной информацией, которая не является основанием для возбуждения уголовного дела. Основанием для возбуждения послужили бы результаты хоть какой-то официальной проверки прокуратурой. Но и для этой проверки нужно хотя бы одно заявление от пострадавшего или очевидца. Заявлений оттуда не поступало. Зато поступали оперативные данные об уголовных преступлениях против личности.

Антон должен был под видом простого дельца попытаться проникнуть в преступную среду, найти неопровергимые доказательства преступной деятельности, установить личности организаторов и исполнителей, причастность к совершению преступлений должностными лицами из местной полиции. В принципе ничего особенно сложного и необычного в данной операции Антон не видел. Он много раз внедрялся таким вот образом в преступные группы. Но теперь имелась некоторая сложность. Вот она, рядом сидит и в окно морду высунула.

Что делать с собакой, Антон еще не решил, он просто никогда не имел собаки и не работал с собакой. Нет, кое-какие представления имел. В основном это были детские воспоминания о дворняге, которая была у одноклассника и с которой они играли в шестом, кажется, классе. Были представления о работе полицейского с собакой, основанные на голливудских боевиках. Но эти истории больше напоминали детские комиксы, особенно если ты судишь о сюжете и исполнении ролей с точки зрения профессионала.

Ладно, решил Антон, нужно найти дом, желательно на окраине Харитонова, где придется снять угол. Огра придется держать на улице, сколотив ему будку. Вряд ли хозяева согласятся на собаку в доме. Но кое-кто может не согласиться и на собаку во дворе. Например, если у хозяев уже есть собака. А еще, согласится ли Огр жить на улице...

Антон нахмурился. Он стал ощущать, что идет на поводу у собаки, играет по ее правилам, оказался под ее давлением.

– Слыши, ты! – позвал Антон, вложив в интонацию как можно больше властности. – Тебе не кажется, что ты слишком многое себе позволяешь?

Собака проигнорировала его восклицание. Антон набрался решимости, понимая, что животное должно откликаться, должно обращать внимание на призыв. Это, как ему казалось, основа дрессировки и управления животным.

– Огр! Ну-ка морду в салон! Еще не хватало, чтобы я тебя простудил. Или тебе что-то в глаз попадет. Объясняйся потом с твоим хозяином.

Реакция была примерно такой же. В том смысле, что реакции совсем не было. Пришлось признать, что знаний по дрессировке собак нет. Наверняка использовал слишком много слов. Команда должна быть короткой!

Впереди виднелся участок разобранной дороги. Строилась какая-то новая развязка, и машины обезжают этот участок по грунтовке справа. Антон засомневался. Отклоняться от намеченного на карте маршрута не очень хотелось. Увидев рабочих возле скрепера далеко впереди, Антон решил, что лучше спросить. Делать большой крюк не хотелось, да и ориенти-

роваться на местности необходимо четко. Мало ли. Вдруг ему по этой дороге придется уходить от кого-то на машине. Или преследовать...

Но сначала остановился возле лесополосы: заглушил двигатель, вытащил ключ из замка зажигания и потянулся всем телом. Хорошее утро, отличная погода. Подумав немного, Антон обошел машину и открыл переднюю дверь.

– Огр! В туалет! – скомандовал он. – Или как там у вас принято? Гулять!

Собака смерила человека снисходительным взглядом и не шевельнулась. Она созерцала окрестности с видом туриста.

– Ну и черт с тобой, – буркнул Антон. – Кобениться еще мне будешь... То в машину не уговоришь сесть, то не выгонишь!

Продолжая ворчать, он пошел пешком в сторону людей. С дорогой все оказалось проще, потому что нужная ему развязка была впереди примерно в полукилометре. Здесь строилась новая развязка, которая соединит две федеральные трассы, но будет это еще через пару месяцев. Поблагодарив рабочих, Антон двинулся назад, видя издалека, что собака продолжает сидеть в машине.

Подошел к машине и взялся за ручку двери. И тут Огра как ветром сдуло с сиденья. Он махнул метра на два. Поспешно обнюхал кусты вокруг и нашел по каким-то признакам единственно подходящий. Тут он с наслаждением освободился от накопившейся жидкости, блаженно прикрыв глаза... Потом он запрыгнул на сиденье и стал смотреть вперед.

Антон опомнился, когда Огр одарил его многозначительным взглядом. Мол, ехать будем или тебя столбняк хватил? У кого дела? Кто кого ехать уговаривал в такую рану? Антон прорычал нечто не очень лестное для собак, поняв, что снова вызвал снисходительное недовольство Огра. Усевшись в машину, Антон дотянулся до ноутбука на заднем сиденье. А что включает в себя смысл слова «дрессировка»? Может, в Интернете он почерпнет что-нибудь полезное в этой области.

Интернет его не обрадовал. Дрессировка животных включала в себя «комплекс обучающих действий над животными, предпринимаемых для выработки и закрепления различных условных рефлексов и навыков». Но дальше было еще интереснее. Объяснялось, что дрессировка может производиться с целью развития дружеских отношений, формирования адекватного поведения животного для нахождения его в человеческом обществе, поиска объектов какого-либо типа, защиты в определенных обстоятельствах или развлечения.

Отлично, думал Антон, дружеские отношения, адекватное поведение в моем обществе. И с развлечением тоже очень точно. Он же, гад, из меня веревки вьет. Дрессировка, видите ли, является необходимостью для комфортного взаимного существования человека с определенными видами животных. Ему со мной точно не комфортно, но он терпит. Жрать хочет, вот и терпит. Ну и пусть терпит!

Но! Огр не бросил машину, когда Антон остановился, когда ушел далеко от нее. Он сидел и... охранял? Он по нужде не ушел, а сделал это, когда Антон вернулся.

– Слушай, Огр, – сказал Антон, разглядывая собаку. – А ты псина умная.

Огр, к большому изумлению, повернулся и посмотрел в глаза. Невольно закралось впечатление, что он понял похвалу.

– А раз ты псина умная, – продолжал Антон, – то давай договоримся. Я тебя взял к себе, потому что уважаю твоего хозяина, потому что он в больнице. Из-за него, а не из-за тебя.

Огр посмотрел более пристально и даже с каким-то удивлением.

– Да-да, – более уверенно заявил Антон. – Ты себя еще ничем не проявил, чтобы я про никся к тебе уважением и любовью. Имей это в виду! Я еду работать. И она у меня трудная и опасная. Если ты мне будешь мешать, то прогоню в два счета. Живи сам как хочешь, можешь пешком возвращаться к своему дому и там ждать хозяина. Либо ты...

Собака вдруг открыла рот, вывесила огромный алый язычище и уставилась преданными глазами. Даже с каким-то умилением. Антон замолк на полуслове. Огр захлопнул пасть с легким поскуливанием, нагнулся и понюхал руку. Потом очень осторожно, с каким-то уважением лизнул самым кончиком языка.

Антон смотрел в преданные глаза собаки, в которых играли какие-то непонятные чертиki. Опять появилось ощущение, что собака прекрасно поняла его слова, что она согласна на его условия и даже будет слушаться. Нельзя сказать, что Огр раньше не слушался. Нет, когда Антон его выводил на улицу, то он выполнял все положенные команды и вел себя как вполне благовоспитанный пес. Но дома... Дома он вел себя по-хозяйски бесцеремонно. Теперь он как бы давал определенные обещания.

— Ладно, — прищурился Антон, — будем считать, что мы договорились. Хотя кто сказал, что ты хоть что-то понимаешь, кроме...

Огр сделал недовольную морду и громко выдал одно короткое, но очень громкое «аф». При этом он посмотрел вперед, а потом снова на Антона. Это выглядело как намек на то, что хватит болтать и поехали наконец. Антон опять почувствовал себя «младшеньkim в семье». Его опять поставили снисходительно на место.

— Вот достался ты мне! — проворчал Антон, заводя мотор и выруливая на дорогу. — Жил себе и жил, горя не знал. Черт меня дернул тебя взять! Спокойно бы обошелся помойками пару недель. Похудел бы маленько, жирок свой растряс.

Он ругался несколько минут, чтобы утвердить себя царем природы и хозяином положения. И чувствовал, что лохматая псина сидит и ухмыляется...

Глава 2

Городок Харитоново поразил Антона своим спокойствием и обилием велосипедов. На улицах, видимо, по причине разгара рабочего дня было немноголюдно, но большинство тех, кого он видел, передвигались на велосипедах. Не на каких-то дорогих аппаратах, а самых обычных, стареньких, с облупившейся краской. Мужики в кепках, женщины в резиновых сапогах, девушки в косынках и мальчишки в вылинявших бейсболках. Пожалуй, только бейсболки и напоминали в этом «городе велосипедов» о том, что на дворе уже двадцать первый век.

Антон проехал через весь город и вернулся в центр. На всю эту процедуру у него ушло десять минут. Дома в основном пяти- или двухэтажные. Много коттеджей, целые улицы старинных домов еще дореволюционной постройки из крепкого красного кирпича. Но есть и вполне современные дома, если судить по архитектуре и модным фасадным материалам. Почтовое отделение, здание администрации и кинотеатр (он же городской центр культуры), большой универмаг и местный деловой центр. Последнее строение в прошлом было домом быта, от чего сохранилась лишь часть надписи на фронтоне. Теперь тут виднелись вывески десятков фирм и учреждение коммерческого характера.

Полиция, как заметил Антон, расположилась в двух кварталах отсюда. Ближе к окраине имелись также рынок, автостанция... Где-то он видел еще и районную больницу вместе со станцией «Скорой помощи», травмпунктом и стоматологическим кабинетом. Приличный маленький город... Наверняка тут есть и своя гостиница, но соваться туда с собакой смысла нет – не пустят. Однозначно нужно искать частное жилье на время командировки, а ссылка на отказ в гостинице будет хорошей легендой. Удобно, и ничего подозрительного.

– Мамаша! – закричал Антон, высунув голову из окна машины. – А где у вас гостиница?

Женщина, проезжавшая мимо по дороге на велосипеде, вильнула от неожиданности, притормозила, сняв ногу с педали. Поправив косынку на голове, она мельком осмотрела молодого человека и махнула рукой куда-то вправо. Ладно, проедем мимо. Запомним название улицы и номер дома. Заодно учтем название и емкость этого заведения. Вряд ли в этот город валом валят командированные и туристы, но раз есть гостиница, в ней всегда кто-то живет.

Антон медленно объехал площадь и свернул на указанную улицу.

– Ну, дружок, готовься, – сказал он Огру. Общаться вслух с напарником у него за эти часы уже вошло в привычку. – Будем искать себе конуру на двоих. Не обессудь, если получится так, что жить ты будешь на улице. Все зависит от ситуации и хозяина. Должен понять и войти в положение.

Огр кивнул головой и понимающе чихнул. Он явно не имел ничего против, а занят был тем, что недовольно взирал на улицы городка. Антону показалось, что городок собаке не очень-то нравился.

– Что, не нравится? – на всякий случай спросил Антон.

Огр повернулся к нему лохматую морду и выразительно глянул своими глазами-пуговками. Мол, сам не понимаешь? Чем тут восхищаться? Зловещий город, и черные дела в нем творятся.

– Разберемся, – заверил Антон, высматривая здание, похожее на гостиницу, – за тем и приехали. Осмотримся и поедем выбирать дом поближе к берегу реки. Наши интересы там, и находиться лучше ближе к ним.

Гостиницей оказался скучный четырехэтажный дом из белого силикатного кирпича с двускатной шиферной крышей. Точнее, под гостиницу занята половина здания. У второго подъезда на стене виднелась табличка, на которой он сумел рассмотреть два слова «коммунального хозяйства». На первом этаже располагалось кафе «Красная скала».

Через пять минут Антон выехал на окраину города, где под колесами все реже стал встречаться асфальт, где вдоль дороги тянулись заборы частного сектора, а к домам подступали

вековые сосны вперемешку с ольхой. Там, где преобладал ольховый лес, было темнее и тревожнее. Может, это его задание влияет на ощущения, заведомая тревога, восприятие активной преступной деятельности в районе? Ну, это уж мистика. И Огр вон сидит спокойно, только носом воздух тянет. Нравится, как пахнет за городом.

Антон отъехал от города совсем немного и увидел довольно приличный асфальт, который вел к реке. Через пять минут он увидел небольшой поселок за лесом. Два десятка стареньких домов и десятка три новых в два и три этажа. Хорошее место, и река видна. Антон двинулся по первой улице вдоль леса, присматриваясь к домам. В богатый и большой проситься нечего. Нужен домик небольшой, бедненький, но и не совсем уж развалюха. Должна быть у хозяина хоть слабенькая, но коммерческая жилка. Дорогие строения уходили влево, в сторону реки.

После трех остановок и расспросов Антону указали крепенький дом, обложенный кирпичом и с крышей из оцинкованной жести. Забор из досок достаточно высокий, и двор большой. И якобы живет там одинокая женщина, что тоже устраивало Антона. Вопрос: а не побоится ли она пускать незнакомца-мужчину? Хотя в этой глубинке люди не такие пуганые, как в городах.

Он подъехал к дому, решительно свернул и уткнулся капотом в глухие ворота.

– Выметайся! – велел он Огру. – И веди себя прилично. Сейчас мы с тобой будем играть роль добропорядочных гостей. Мы просто обязаны понравиться хозяйке.

Дотянувшись до ручки пассажирской двери, Антон распахнул ее, и собака с готовностью выскочила на траву. Антон тоже вылез из машины и осмотрелся по сторонам. До леса метров двести, до дороги столько же. Если идти пешком к реке, то можно минут за пятнадцать дойти неторопливым шагом. Собственно, и до города отсюда не больше получаса ходьбы.

– Вам чего? – послышался женский голос.

Антон обернулся и увидел приятное лицо под низко надвинутой на лоб белой косынкой. Было ей лет пятьдесят, и понравилась она Антону сразу.

– Ищете кого?

– Да я... собственно нашел, – улыбнулся Антон как можно доброжелательнее. – Вы Гаврилова?

– Гаврилова, – не очень удивившись, согласилась женщина. – А вам что надо?

– Да вот добрых людей, которые меня на постой пустят. Проехался вдоль вашей улицы, спрашивал. Все вас рекомендуют как самую радушную хозяйку.

– Вот как? – улыбнулась женщина. – Да я вроде и не давала объявлений. А вы что же, отдыхать к нам или по делам? В городе гостиница есть, и недалеко, и удобства не во дворе, как у нас.

– А я не один, – перешел Антон к главной своей причине. – Я ведь с другом. А таких друзей в гостиницах не селят.

Огр с готовностью подбежал и уселся на задние лапы с самым благодушным видом. Он даже сладко зевнул и склонил голову чуть набок, разглядывая хозяйку.

– Дома оставить не с кем, вот и пришлось взять с собой, – пояснил Антон на всякий случай.

– Ой, да он мне ведь все грядки потопчет, – всплеснула женщина руками, но все же вышла из калитки и подошла к собаке. – Или смиренный, воспитанный друг-то ваш? Прямо с теленка вымахал! И много такой зверь ест, наверное, и мяса не напасешься?

– Ну-у, – рассмеялся Антон, – их мясом и не кормят. Специальная пища для них существует.

Огр оказался на высоте. Он вытянул морду, пару раз тоненько поскучил, а потом, приставая и снова присаживаясь, в несколько этапов придвигнулся к женщине. Не нужно иметь грандиозного опыта в общении с животными, чтобы по виду собаки понять, что она элементарно подлизывается. Подобравшись почти вплотную к хозяйке, Огр опустил голову и подсунул свой лоб под ее руку, чуть приподняв ее. Гладь, чего уж там!

– Ишь ты какой! – восхитилась женщина и потрепала мощную голову собаки. – Это он чего же? Просится, что ли? Вроде как уговаривает меня?

– Вы же видите, – развел Антон руками. – Это он обещает вам слушаться и не шалить на огороде. Он готов на улице спать, если у вас есть из чего будку сделать.

– Да я и не знаю уж, как с вами быть-то, – растерянно улыбнулась женщина. – Вроде как и не сдаю я комнаты, и отказать жалко. А чего ж ему на улице-то жить? Вон, сени у меня большие, найду чего ему постелить.

– А он с собой любимый коврик прихватил.

– Да вы что? Скажите на милость! Коврики у них любимые. Ох и балуете вы в городе собак. Не иначе как от безделья. Ну что с вами делать, заходите, раз так… И кого из вас как зовут-то? Меня Марией Ивановной…

Мария Ивановна оказалась замечательной женщиной. Рано овдовела, сыновья выросли и разлетелись по миру. А она осталась хранить очаг родного дома. Осталась, потому что привыкла, потому что для нее это самый важный кусочек ее жизни, осталась ради того, чтобы сыновья хоть иногда приезжали в родной дом. И внуков привозили. Что такое уехать из мест, среди которых прошла жизнь, где прошли для человека его самые счастливые минуты, часы и годы. Где прошла молодость…

Все это промелькнуло недосказанным перед Антоном за чаем, которым его угощала женщина. Она не особенно об этом говорила, но как раз по этой причине Антон все так и понял.

– А почему у вас гостиница называется «Красная скала»? – спросил Антон, чтобы перевести разговор на другую тему.

– А-а, так это ради красот наших. Тут же много таких мест, на которые полюбоваться издалека приезжают. Мы-то привыкли, не замечаем уже, а на нового человека, говорят, очень действует. А Красная скала, это у нас урочище так называется, в паре километров отсюда. Там река начинает петлять среди скал, а они нависают над ней, как стражи-великаны. Это мы так в детстве представляли в своих играх. И есть там одна скала, совсем красного цвета. То ли медные руды там выходят на поверхность, то ли железные. Я уж точно не помню, как там специалисты говорили. Да и цвет с годами меняется, но все равно красиво со стороны.

– Хорошо, наверное, жить среди таких красот, – забросил Антон удочку. – Когда природа красивая, то и люди красивые, душой… Вы вот, например, очень красиво рассказываете, потому что душой все это видите. А уж тем, кто живет на этих берегах, у кого на эту Красную скалу вид из окна дома, можно позавидовать!

– Да уж, – с горькой миной на лице махнула рукой Мария Ивановна, – и не говорите. Какое там счастье. Если спокойствие и было, то давно. Это еще в советские времена, когда никому дела до красот не было. А сейчас… каждый, у кого власть есть или сила, готов лапищу наложить на все вокруг. На то, что красиво, что ценно, что прибыток дать может. А о людях давно уже никто не думает.

– Вы о чем?

– Увидите… Походите тут и все сами увидите. Тех, кто живет на красивых берегах, всяческими правдами и неправдами выселяют, какие-то базы отдыха все хотят строить для богатых людей, какие-то развлекательно-туристические комплексы на манер европейских. А мы что… мы отжили свое на этих берегах.

– Да-а, – с пониманием сказал Антон, – не повезло вам с местной властью. Слишком предприимчивая она у вас.

– Во власти ли дело, если ее и нет тут никакой! – вдруг горячо сказала Мария Ивановна, а потом снова сникла и махнула рукой. – Тут другая власть. Которую мы и не видим. Кто-то тайно тут всем руководит, а власть, она так, для бумажки. Куда она там смотрит, я не знаю, только людей ведь запугивают, страхи всякие обещают, если добром с насиженных мест не уйдут да место под строительство не освободят.

– Обычно за дома деньги предлагают, компенсации. А эти что же? Просто сгоняют?

– Почему, вроде тоже предлагают. Только ведь не в деньгах счастье, не о том речь. Коли ты в этом доме вырос, коли не одно поколение твоих предков под этой крышей жило, так в цене ли на дом дело? Нет у него цены, не в деньгах его ценность для человека. А эти... этим лишь бы растоптать память, самого человека. Им легче свои делишки проворачивать ПОТОМ...

Мария Ивановна замолчала и стала убирать со стола. Да, дела тут не очень хорошие. И главное, никто особенно не скрывается, почти открыто проворачивают свои махинации. А почему никто не опасается, что все всплынет? Причина проста: местная власть замазана в этой грязи, полиция замазана, кое-кто и из вышестоящих в областном центре тоже замазан.

– Ну, за чай спасибо, – вставая, сказал Антон, – пойдем мы прогуляемся. Нам-то с вами хорошо сидеть, а собаке побегать хочется.

– Сходите, а что же. Вы вдоль домов идите и как раз к Чусовой выйдете. Там у нас мостки еще сохранились. Детвора с них все в воду прыгала раньше. Там и спуск к берегу хороший.

Антон поблагодарил, снял с вешалки куртку и вышел в сени. Огр сразу вскочил со своего коврика и напрягся, глядя в глаза.

– Правильно понял, – кивнул Антон. – Пойдем погуляем, окрестности посмотрим.

Огр степенно вышел из дома, потом так же спокойно прошел по двору к калитке. Едва дождавшись, когда Антон откроет ее, протиснулся и замер, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую. Разведчик! Вперед пошел! В соседних дворах в злобном лае зашлились дворовые собаки, почувствовали чужака.

– Ну, слышал наш разговор? – задумчиво спросил Антон, скорее обращаясь к самому себе, нежели к собаке. – Прав мой шеф, информация соответствует действительности. Видишь, даже женщина, далекая от хозяйственной деятельности, и та знает о том, что тут делается. Значит, ни для кого не секрет. Пойдем посмотрим, каковы тут красоты берегов и уроцищ. И на берег к воде мы пойдем...

Собака остановилась и оглянулась на дом. Опять возникло ощущение, что Огр понял все, о чем Антон говорил.

– Да-да, пойдем. Отдохнуть успеем. Я тут на работе.

Антон потрепал мощный загривок собаки. Огр поплелся рядом с расстроенным видом. Он стал крутить головой по сторонам с явным намерением кого-нибудь облять... Он даже стал оглядываться назад, в надежде, что какая-то из особо настырных собак выскочит со своего двора и кинется к нему. Ну что же, у каждого свои способы поднятия настроения. Антон хотел было прицепить поводок к ошейнику, но решил пока подождать. Он понимал, несмотря на свой маленький опыт общения с животными, что для собаки на поводке – это не гулянье, а сплошная нервотрепка.

Чем ближе к реке они подходили, тем слышнее стали звуки строительства. В одном месте работал трактор или бульдозер. В другом раздавались какие-то стуки и звуки фрезы. То ли болгаркой что-то пилили, то ли на пилораме бревна распускали на доски и брус. Антон стал выбирать место, откуда на реку он смог бы взглянуть с высокого берега. Решительно двинулся вправо, куда вела накатанная грунтовая дорога.

Они прошли метров двести, и дорога резко свернула вправо. Там среди деревьев виднелись какие-то строения, но Антон решил пройти прямо, туда, где с высокого яра откроется вид на реку. Деревья быстро кончились, исчез и кустарник. Под ногами были только трава и каменистая почва. Антон ощущал на лице ветерок, что дул вдоль глубоко врезавшегося в скалы русла реки. Запах мокрых замшелых камней, травы и сосновой хвои.

Слева на изгибе реки он увидел расчищенный участок, на котором стоял цементовоз, выселились две большие кучи песка и были сложены толстые темные бревна. Строительство! Техника и строительные материалы смотрелись на фоне дикой природы несколько неуместно,

но отторжения в душе не вызывали. Или человечеству не развиваться и продолжать жить в единении с природой. Тогда тайга останется нетронутой, обширные степи не распаханными, а в небе не увидишь белого следа пролетающего самолета. Кому-то этого хочется, но в большинстве своем люди мечтают о максимальном комфорте и уюте. Не те времена, и не заманишь сегодня романтикой в палатках, приготовлением пищи на кострах. Люди готовы платить деньги за комфортное наслаждение природой, любование ею из уютного, желательно кондиционированного помещения. И без всякого гнуса и комарья.

Неприятно сознавать было другое, что доходы от этого туристического центра пойдут не в местную казну, потратятся не на улучшение жизни местного населения, а в карманы нескольких конкретных человек. Наверное, и не местных даже. И цена этой базе отдыха исчисляется не рублями и не долларами, а судьбами, а может, и жизнями людей. Слишком хорошо Антон знал, как такие захваты земли проворачивают криминальные круги. Тех, кто не согласен, кто стоит на пути, обычно растаптывают без особых душевных терзаний. Ничего личного, только бизнес.

Огр топтался рядом, обнюхивая землю. Несколько раз он, лязгая зубами, пытался схватить какое-то насекомое. Потом принял валиться на траве...

Чуть выше на яру за деревьями виднелась крыша дома, покрытая современной кровлей. Там, куда вела грунтовая дорога, кто-то жил. И место было очень красивым, чтобы остаться во владении простого человека. Или уже отсюда всех неугодных выгнали и что-то здесь уже построено коммерческое? Вот и надо сходить и посмотреть. Либо на жертв этой войны, либо на победителей.

– Огр, – позвал Антон, – пошли. Внимательнее по сторонам.

Последнее замечание Антон отпустил исключительно для того, чтобы собаке было веселее, будто это игра. И он тут же поймал себя на мысли, что снова пытается относиться к ней как к разумному существу.

Огр вдруг остановился, задрал голову и стал принюхиваться. Вид у него был недовольный. Он посмотрел на Антона, как будто спрашивая, а надо туда идти? Обязательно? А то сходили бы на берег, поплескались, побегали бы. А тут ведь интересного нет ничего.

– Это тебе нет, – отмахнулся Антон. – А для меня это работа. Пошли давай! И вообще, если я тебя с собой взял, то помогай. Смотри по сторонам, вникай, следи за опасностью. Мало ли...

Огр опустил голову, фыркнул и чуть ли не пожал плечами. Хотя это, может, у него холка дрогнула из-за попавшего в шерсть насекомого или травинки. Они молча пошли в сторону дома. Постепенно открылась картина отдельного хутора: жилой дом, два смежных сарая или чего-то на них похожего. Чуть поодаль несколько теплиц со снятой с каркаса пленкой, а ближе к лесу два валявшихся на боку улья. Антон опасливо повел головой и в самом деле увидел неподалеку на цветке пчелу.

По тому, как Огр весь подобрался, Антон догадался, что за углом дома кто-то есть, человек.

Антон сделал несколько шагов и увидел мужчину лет сорока, который сидел на перевернутом вверх дном старом ржавом баке и смотрел в землю. И даже не по рабочей одежде, а по тому, как бессильно опущены руки, Антон понял, что у него беда. А может, и не беда, а хуже – полная безысходность. Однако разговор надо как-то начинать.

– Здорово, хозяин, – приветливо сказал Антон, осматриваясь по сторонам. – Строишься? Хорошее место, вид замечательный на скалы, на реку...

– Да пош-шел ты! – прорычал вдруг мужик и вскочил на ноги. – Глумиться пришел? Контролировать? Добились своего, сволочи! Чего тебе еще надо?

Огр с некоторым недоумением уставился на хозяина хутора и на всякий случай зарычал, оскалив желтые огромные клыки. Слабоват он, конечно, против кавказской овчарки, которая

в горах стада пасет и волков рвет. Рыкну я, пожалуй, на всякий случай, чтобы не забывался этот незнакомец.

– Эй-эй, ты что, – запротестовал Антон и чуть попятился назад. – Я же только спросить хотел…

Но человек его реакцию, видимо, воспринял как слабость, как испуг. И это придало ему сил. А может, накопилось в нем ненависти, злобы столько, что начал человек контроль над собой терять. И сейчас он схватил с земли обломок черенка лопаты и развернулся к гостю всем телом со зверским выражением лица. Ни собаки он не боялся, ни молодого крепкого незнакомца.

– Да стой ты! – закричал Антон, пятясь назад. – Я приезжий! Огр, фу! Назад!

Огр и не подумал слушаться. Наверняка он решил, что Антон сам не понимает всей опасности, выкрикивая такие неуместные команды. Какое на фиг «фу», когда в руках у этого типа палка. Вы, люди, хоть понимаете, что такое палка? Да это самая ненавистная вещь в глазах любой собаки. Да будь моя воля, я бы сейчас эту руку с палкой так хватанул зубами, что…

Но мужик, кажется, все же одумался, а может, размеры овчарки остудили. Да и вид оскаленных клыков впечатлял. Мужик посмотрел на гостя, на собаку, а потом со всего размаху ахнул черенком в стену дома и снова опустился на свой бак. Так опустился, как будто у него никаких сил совсем не осталось. Ни стоять, ни сопротивляться, ни жить.

Антон это сразу понял. Наверное, понял и Огр, потому что шерсть на его загривке стала опускаться, и зубы он перестал скалить, все еще недобро глядя на человека. Антон подошел, потрепал собаку по голове и чуть оттолкнул в сторону. Точнее, попытался оттолкнуть, потому что сдвинуть с места эту тушу весом килограммов шестьдесят-семьдесят непросто. Особенно когда туша этого не хочет.

– У вас что-то случилось, – начал разговор Антон. – Вы извините, я, наверное, не вовремя. И я представления не имею, что тут у вас творится. Я просто гулял с собакой…

– Дожимать ты меня пришел с собакой, – с болью в голосе сказал мужчина. – Я что, не понял? Вы мне все доходчиво объяснили. Вон, смотри! Дом пустой, ульи вывез, теплицы разбираю. Год пропал, долги не выплачены… Только вам на людей ведь наплевать.

– Я не тот, за кого вы меня принимаете, – напомнил Антон, – я просто…

– Не тот, вот и иди… Гуляй! Заодно скажи, что я теперь покладистый.

Он встал и ушел в дом, громко хлопнув дверью, отчего в окнах задрожали стекла. Огр отреагировал на это странно. Он зевнул в голос, блеснув слюнявыми клыками, и улегся на траву с видом человека… пардон, собаки, выполнившей свой долг. Ушел, и пусть. А то стоит, орет, палками машет!

– Ладно, пойдем отсюда, – позвал Антон собаку.

Огр посмотрел на него с крайним удивлением. Чего же уходить, когда мы всех разогнали? Самое первое дело пройтись, осмотреть все, обнюхать. Тебе неинтересно, ты можешь неходить, а я-то…

– Пошли, чего развалился! – прикрикнул Антон. – Видишь, тут все непросто. Беда у человека. Неадекватен он.

Вот тебе и жизнь на красивых берегах реки, думал Антон, поглядывая, как за ним плется недовольный пес. Из слов, в запале брошенных этим человеком, можно сделать вывод, что его в самом деле согнали с обжитого места. Ладно, выясним. Теплицы, ульи – не у каждого в пригородах такое хозяйство. Кому-то еще приглянулись берега…

Алексей Агапов выключил станок и стащил с рук перчатки. В ушах после нескольких часов работы пилорамы звенело. Всегда так перед обедом или вечером, когда заканчивается рабочий день – стоишь и слушаешь тишину. Пустой цех, запыленные седые стекла на окнах, запах свежего дерева. Этот запах всегда вызывал энтузиазм у Агапова, потому что если есть

дерево, если оно пилится, значит, есть заказы, есть работа, есть доходы. Хотя творится непонятное. Работнички его стали вдруг увольняться один за другим. И ведь, главное, самый сезон, самые заработки! И здесь в округе строительство пошло, и в городе ремонты у людей. И всем нужен строительный брус, обрезная доска, вагонка.

Алексей снял спецовку и повесил у входа на гвоздь. Обед, но аппетита у него не было. Просто рабочие ушли на перерыв, и ему надо. Да и Танька там наготовила. Хотя не столько для мужа наготовила, для мужа она не очень старалась, а вот как ее братишко приехал, так крутится и крутится баба... И водочку выставляет на обеденный стол. А может, и к лучшему... Прийти, умыться, хватануть ледяной водки и... Но от проблем не уйдешь. Все это временно – захмелеешь, а через полчаса мысли снова в голову лезут. Да и хмель что-то не берет в последнее время.

Перед дверью дома Алексей на пару секунд остановился со странным чувством, которое стало его посещать в последнее время все чаще и чаще. Не хотелось в дом. Мало того, что на работе начались всякие неприятности, появилось еще и ощущение отчужденности. Как будто разлад с женой, хотя столько лет прожили душа в душу, все делили на двоих: и радость и невзгоды. Что же теперь, откуда эти ощущения? Нервы, что ли, совсем расходились, сдавать начинают?

Всегда считавший, что клин надо вышибать клином, Алексей Агапов решительно взялся за ручку и потянул ее на себя. На кухне пахло хорошо, но это почему-то раздражало. И чего она в последнее время так старается. Снова откуда-то всплыла неприятная мыслишка, что жена старается из-за приехавшего родственника. Откуда всплыл этот двоюродный брат, чего она о нем никогда не рассказывала? Хотя...

Татьяна хлопотала на кухне. Увидев вошедшего мужа, улыбнулась и снова отвернулась к плите.

– Мой руки, у меня все готово, – бросила Татьяна через плечо.

Алексей промолчал. Подойдя к мойке, тщательно, чуть ли не с остервенением вымыл руки, вытер их полотенцем и уселся за стол. Запотевшую бутылку водки отодвинул в сторону, а потом встал и вообще убрал в холодильник. Татьяна на его действия оглянулась, но промолчала.

– Где твой родственник? – ломая хлебную корку и бросая по кусочкам в рот, спросил Алексей из вежливости. – Опять по злачным местам двинулся?

– Что ты его достаешь? – беззлобно спросила Татьяна. – Живет человек, никому не мешает, денег ни у кого не просит.

– Не просит, – проворчал Алексей. – Живет как ветер. Тут горбатишься, горбатишься, а у него все просто.

– Завидуешь, что ли? – засмеялась Татьяна. – А ты не завидуй. Сам так мог бы жить, так не послушался совета. Предлагали же тебе, настаивали даже...

– Не продам! – рявкнул Алексей. – Бросать такое начинание? Да я половину населения обеспечиваю пиломатериалами! У меня...

– У тебя люди разбегаются, – напомнила Татьяна.

– Это временно, – в запале возразил Алексей, но тут же замолчал.

Теперь-то он уже понимал, что это не временно. Теперь он понял, что рабочие с его лесопилки увольняются не случайно. То ли их кто сманивает, конкуренцию составить хочет, то ли еще что. Вроде не слыхать, чтобы в Харитонове еще кто-тоставил оборудование, открывал производство, но все может быть. Чертовщина какая-то! А если разобраться, то Танька права. Уговаривали Алексея продать свою лесопилку, настойчиво уговаривали. И так просто, и под водку. А когда две недели назад вдруг столб свалило ветром и производство осталось без электроэнергии?

– Нет, правда, Леш, – не оборачиваясь, вдруг заговорила Татьяна. – А что тебе ее не продать. И деньги хорошие предлагают, и обузу эту со своих плеч снимешь. Уехали бы в районный центр, там и домик от моего отца остался…

– Опять? – набычился Алексей и стиснул кулаки.

– Ну что «опять», ну что «опять»? Зажили бы как люди, не в этой дыре!

Ответить Алексей не успел. По ступеням затопали шаги, и в сенях хлопнула дверь. И что он ею все время грохает! И походочка у него нагловатая…

– Здорово, родственники! – с порога поприветствовал всех Вовчик – Танькин кузен, как она любила его называть. – Куска хлеба не пожалеете?

Напевая какой-то дурацкий мотивчик, Вовчик, худой, костлявый в плечах, прошел мимо Татьяны, ушипнув ее за бок, и уселся верхом на стул. Его рука потянулась к плетеной тарелке с нарезанным хлебом, и Алексей не выдержал:

– Руки помой, прежде чем за хлеб хвататься!

Вовчик с ухмылкой уставился на него, замерев с занесенной над столом рукой.

– Че ты? В поле и жук мясо! А кто чаще руки моет, у того кишечных инфекций больше. Тренировать организм надо, Леха, нагрузку ему давать…

– Ну-у!

– Леша-а, – укоризненно попросила Татьяна. – Ну хватит вам, мальчики. А ты, оболтус, иди руки помой. Хватался там… за все подряд…

Антон вытащил из багажника машины упаковку «Чаппи». Интересно, а чем этого слона кормил его хозяин, подумал он, глядя, как Огр развалился на траве у веранды. Магазинный корм он жрет, но это надоест. Наверное. Может, пройтись по городку да в каком-нибудь продовольственном магазинчике купить суповых наборов, костей? И посоветоваться не с кем.

Когда он зашел в дом, Мария Ивановна уже накрыла на стол. Антон подумал, что завтра надо и хозяйке гостинцев купить да как-то разнообразить свой стол. О деньгах они, конечно, договорились, но всего не предусмотришь. Да и женщине будет приятно, если их отношения из плоскости «один платит, другой выполняет» перерастут в плоскость душевых отношений. Нужно какое-то единение, чтобы создать атмосферу умиротворения и ликвидировать всякую напряженность в отношениях едва знакомых людей.

Но Мария Ивановна сама сделала первый шаг в этом направлении. На столе в чистенькой уютной кухне красовалась бутылка кагора, в тарелках колбаса, обжаренная рыба и курица. Очень аппетитно пахла жаренная на растительном масле картошка.

Антон не любил алкоголь, он не понимал, что хорошего в том, чтобы затуманивать свое сознание, подавлять рефлексы, нарушать координацию и вообще терять контроль. И над поступками, и над мыслями. Причина этой нелюбви крылась глубоко, в тех установках, которые были сделаны Антоном много лет назад, когда он тренировал, буквально растил себя для мести, для борьбы, в которой все, что мешает, что может помешать, должно быть искоренено полностью. Ни алкоголя, ни табака. Правда, теперь приходилось иногда для пользы дела выпивать. Хорошо еще, что курить нет необходимости начинать.

Сейчас выпить немного было нужно. Нельзя обижать женщину, которая к тебе настроена почти по-матерински. Под вино и поговорить можно, и даже полезно. Давно было съедено, что полезло в желудок, убрана лишняя посуда, стыл в больших бокалах чай, налитый уже по третьему разу. Они сидели под большим абажуром за круглым столом и говорили обо всем.

Мария Ивановна была интересной собеседницей. Не имея высшего образования, она обладала житейской мудростью. Есть такое еще у нашего народа: люди интуитивно определяют, что хорошо, а что плохо, что полезно, а что вредно для человеческого воспитания, для человеческого организма. От чего страдает природа, а что для нее полезно. Издавна, когда во главе какой-то общины вставали такие вот люди, общины процветали, люди жили в них

душевнее и счастливее. Очень мудро судила Мария Ивановна о прогрессе. Она высказалась в том смысле, что человека нельзя остановить, что в нем заложена способность придумывать. Хоть водяную мельницу, хоть космические корабли. А раз природой это в нем заложено, то это так и должно быть. Маэсты много, «спокоя в душе нет», как она выражалась. А от безделья человек становится только ленивее, скуче и злее. Добрый человек – это тот, который пытается что-то узнать новое, неизведанное.

Очень интересно она судила и о религии. Антон так и не понял, была ли она верующей, образов в красном углу не стояло. Хозяйка неожиданно высказалась, что в церкви она Бога не видит. В церкви, по ее мнению, такие же чиновники, только в рясах. Видела она как-то крепких плечистых священников, которые приезжали на дорогой машине из района или области. Причем один сидел за рулем. Видела, как один из них доставал из кармана мобильный телефон, видела, какие на ногах у них дорогие ботинки.

– Бог у каждого в душе, – грустно говорила она, – ему и надо молиться. А когда дело поставлено на поток, то качества не будет. Это ведь к каждой душе ключик надо найти, а как его батюшка найдет, если в церкви на воскресной службе две сотни человек стоят.

– А может, – попытался вставить свое мнение Антон, – церковь – это такое место, намоленное, и оно приобрело иную энергетику, более положительную.

– В душе у каждого должна быть положительная энергия, – грустно сказала Мария Ивановна. – Внутрь она должна быть направлена, вот куда. А то ведь они и в церковь ходят только потому, что модно это стало. Вроде как приобщение к своим корням, к земле.

– Кто – они? – насторожился Антон.

– Да эти... раньше их «новыми русскими» называли, а теперь уж и не знаю как. Теперь вроде все новые. Я помню, кино было хорошее как-то. Давно его показывали. Там комиссар был, Каттани, что ли. Он с мафией боролся, семью у него убили, но не перестал воевать. Вот и у нас так же. Только комиссара в том кино в конце концов убили, а у нас и бороться никто не хочет.

– А у вас тоже мафия? – улыбнулся Антон.

– А как же, – с энтузиазмом согласилась женщина, – мафия, да еще какая. Приспичило им по берегам Чусовой всякие места отдыха строить для богатых, вот они всеми правдами и неправдами их и освобождают. Чего тут только не было, каких страхов народ не рассказывал.

– А власть, а полиция?

– А что власть? Власть тоже кушать хочет. А люд подневольный, как при крепостном праве.

Можно было бы расспросить гораздо подробнее, попросить назвать имена и фамилии людей, которых она подозревает в участии в преступлениях. Наверняка слышала Мария Ивановна о тех, кто творит тут черные дела, о местной администрации... Но вряд ли пойдет на откровенность. Чего ждать от тихой одинокой женщины, от других таких же жителей этого городка? Скорее всего, запуганных слухами, рассказами очевидцев, уверенных, что «до бога высоко, а до царя далеко». Жить по принципу: «тебя не тронули, ну и слава богу» – можно, даже удобно, но живут здесь по нему не по причине собственной циничности. Причина в беззащитности. Спроси сейчас Марию Ивановну, и эта милейшая женщина закроется от него непроницаемым щитом. Реакция предсказуема. Скорее всего, сразу возникнут сомнения в истинности причин приезда Антона в этот городок. А кто ты есть на самом деле, милок? А зачем ты приехал? И что ты тут вынюхиваешь? А не от этих ли ты, кто тут решает судьбы людей, не тайный ли ты соглядатай, не предвестник ли ты новых бед, теперь уже для жителей вот этого поселка, на который положили свой жадный взгляд правящие жизнью?

Ответ будет прост и лаконичен, он сведется к заявлению, что никого не знаю, ничего не слышала. И настойчивому предложению забрать свою блохастую собаку и съезжать с постоя. Иди ищи себе другое жилье! Антону съезжать не хотелось. Этот дом его устраивал во всех

отношениях: и тихая часть поселка, и явное уважение соседей к Марии Ивановне, и ее характер. По всему было видно, что хозяйка не сплетница и не болтушка. Вполне степенная женщина. И значит, надо оставлять себе этот относительно надежный тыл, а розыском заниматься в другом месте.

— А медом у вас тут никто не занимается? — уже отправляясь спать, поинтересовался Антон. — Говорили мне, что травы у вас тут подходящие, и мед должен иметь лечебные свойства.

— Почему не занимаются, — пожала Мария Ивановна плечами. — Олег Ковригин с Марией постоянно возят по поселку мед. Многие покупают. У него тут пасека недалеко, вон на яру над рекой.

Антон кивнул и ушел в свою комнату. Значит, Олег Ковригин? Запомним. А меда вам теперь, граждане дорогие, долго не видать от него. Хорошо, если он просто поменяет место жительства. А если его не просто выгнали с насиженного места, если его разорили и вынутили все бросить? Ладно, чуть позже мы с этим Ковригиным поговорим еще. Пусть поостынет немного. Хотя возможно ли после такого «остыть»?..

Денис Сергунов был доволен. Сегодня он вернулся из Екатеринбурга со всеми надлежащими бумагами и разрешениями. Ему, мастеру спорта, заслуженному альпинисту разрешили открыть в Харитонове спортивную школу. Теперь он имеет право не просто проводить учебные занятия, он может присваивать первичные квалификационные категории, он может проводить состязательные мероприятия. Он многое теперь может. Даже открыть счет, куда будут поступать деньги из профильного министерства. И с этого счета он будет платить зарплату работникам спортивной школы. Маленькую зарплату, но дело ведь не в деньгах, когда занимаешься любимым делом. Нужна будет уборщица, нужен хотя бы один тренер и один медицинский работник. Сторож нужен обязательно.

Теперь только дождаться документации на «спортивную базу». Невысокий, коренастый Сергунов ходил по старому дому барачного типа, что стоял на берегу Чусовой уже лет пятьдесят. И кто только не занимал его раньше. Вон следы пожара, который устроили пьяные сплавщики леса. А вон остаткиstellажей, что устраивались строительным кооперативом еще в 90-е. Потом был тут склад какого-то инвентаря местной администрации. Теперь все! Теперь привести здание и двор в порядок, и можно начинать.

Сергунов поднялся по лестнице под крышу, где была когда-то устроена кантарка или комната завхоза. Два сломанных стула, которые очень нравились Сергунову. Он хотел их лично отремонтировать, заново покрыть лаком. Старые стулья, элегантные, клееные. Такие были в моде в восьмидесятые. А стол вообще довоенный. Еще под зеленым сукном. А сколько лет этому зеркалу?

Сергунов остановился у стены, где на гвозде висело круглое старое зеркало. Он провел рукой по его поверхности, стирая пыль и почерневшую паутину. На него из зеркала смотрело усталое лицо... Да, сивка, укатали тебя крутые горки. Когда-то ты был сильным парнем, когда-то с тобой было в радость идти в горы. Когда-то ты был душой компании, когда-то девчонки с замиранием сердца слушали твою гитару и твои песни у костра. А теперь? Теперь тебе пятьдесят, а по лицу, так и все шестьдесят. И взгляд потух, и уголки губ постоянно опущены в недовольной гримасе. О чем думаешь? Радуйся, у тебя ведь все получилось, несмотря на угрозы и намеки. Ты победил этих дельцов, которые тебе обещали провал идеи со школой. Поехал и все протолкнул. Правда, помогли старые связи, но не в этом дело.

Внизу пронзительно заскрипели старые петли, потом хлопнула дверь. Сергунов прислушался, потом подошел к двери кантарки и открыл ее. Внизу, посреди куч мусора и всякого строительного хлама стоял один из самых ненавистных Сергунову людей. Не потому, что за всеми его неприятностями стоял этот человек. Нет, это были совсем другие люди, с дру-

гим положением. А этот был олицетворением зла потому, что он, бывший работник полиции, теперь служил преступникам. Разумеется, преступниками их называли только заглазно и тихим голосом. На самом деле они официально занимали начальственные кабинеты, получали от государства зарплату... Сергунов, например, никогда не скрывал своего отношения к этим людям, которые прибирали к рукам район, которые гоняли целые семьи из своих домов, сносили эти дома, а на их месте строили другие здания, продвигали чьи-то коммерческие проекты. И это было обиднее всего. Ведь не для себя, а для чужих старались. Чужая грязная лапища откуда-то тянулась в эти красивейшие места. И Сергунов не боялся называть вещи своими именами, и людей тоже. Ему и в министерстве намекали, чтобы он осторожнее со своим языком.

– Здорово, Денис! – крикнул снизу человек, увидев в двери Сергунова. – Говорят, что ты свою идею пробил-таки в области?

Он стоял, задрав голову вверх, и широко улыбался. Если бы кто сейчас посмотрел со стороны, то подумал бы, что встретились два старинных приятеля и один очень искренне радуется успехам другого. Сергунов набычился, стиснул кулаки и спрятал их в карманах куртки. Не надо, чтобы эта сволочь видела, как он бесится... Мразь, полицай продажный!

– Тебе чего надо? – глухим голосом спросил Сергунов. – На работу наниматься пришел? Так у меня вакансии только ночного сторожа. Как раз по твоей прошлой специальности.

– Эх, Денис, – сокрущенно покрутил головой гость, – ну что ты такой злой? Ну ушел я из полиции, давно ушел. Так чего же меня попрекать этим? Не всем дано там работать.

Человек задрал свой подбородок и оглушительно захохотал в гулком пространстве пустого помещения. Сергунов сдержался. Ему очень хотелось сказать правду этому человеку. О том, что он правильно сделал, что ушел из полиции. Что теперь там одним подонком меньше. Хотя в полиции лучше с его уходом не стало, там почти все такие. Сергунов сдержался...

– Ладно, не злись, альпинист, – вдруг спокойно и вполне дружелюбно сказал человек. – Я ведь к тебе с делом пришел. Вполне приличное к тебе есть предложение, Денис. И как раз соответствует твоей жизненной позиции, да и спорту твоему тоже.

Он вдруг легко взбежал по шаткой скрипучей лестнице наверх и миролюбиво посмотрел на Сергунова. Очень миролюбиво, даже как-то подкупавше. Денису на миг стало неловко оттого, что слишком плохо подумал об этом человеке и о тех, кто за ним стоит. Не угрожает, не скалит зубы в подлой усмешке. Что ему надо? Купить хочет? Чем? Не деньгами же? Они умеют решать проблемы, сейчас предложит такое, от чего трудно будет отказаться. Какое-нибудь такое же вот дело, только в другом месте и в других масштабах. Черт, из-за пацанов...

Резкий удар в солнечное сплетение согнул Сергунова вдвое. Он не ожидал подобного, потому принял кулак расслабленным животом и теперь не мог вдохнуть и выдохнуть. Мысли заметались в голове, дикое бешенство захлестнуло. Сергунов все понял. И улыбочку, и дружеский тон, и всю подлость и гнусность этого человека. Понял он и то, что последует за этим, что никакого предложения не будет, что никто не станет тратиться, что-то устраивать, чтобы сломить или сманить одного непокорного человека. Есть радикальные способы, удобные и не накладные.

Вдохнуть все же удалось, когда его тело оторвалось от пола, и он ощутил состояние свободного полета. Такое уже бывало раньше. Один раз он летел с тридцатиметровой высоты в горах. Тогда его спас снег внизу. Дважды он срывался, но его спасала веревка. Полет в несколько метров, а потом дикий рывок веревки, от которого остались на теле черные полосы. Тогда он выжил, а сейчас...

Удар был страшным, даже с каким-то хрустом. Острая боль в плече пронзила все тело, и Сергунов почти потерял сознание. Лицо возникло перед ним снова, но теперь оно как будто выплыло из красного тумана. Лупоглазое, с оскаленными зубами и смрадом дыхания... это дыхание смерти... Сергунов понял, что умрет, что он ничего не добился, что его никто не стал

спасать, никто ему не намеревался помогать, что все знали, понимали, что он пешка, назойливая муха, бьющаяся о стекло и своим жужжанием мешающая…

– Дурак ты, Денис! – процедил сквозь зубы человек. – И выходка твоя дурацкая, и жизнь твоя. Сколько раз вас, дураков, учили, что против ветра нельзя…

Руки человека привычно схватились за голову раненого. Поворот и рывок. Тело альпиниста безвольно вытянулось на полу, а поднятая его падением пыль плавно кружилась, оседая в лучиках солнечного света.

Много щелей в стенах старого здания, и солнце подсматривало, как один человек убивает другого. Подсматривало и не понимало, чего эти людишки делят, чего они враждуют, почему не живут просто, как букашки, как птицы, как цветы. Хотя букашки тоже пожирают друг друга, их жрут лягушки, ящерицы, те же птицы. Птицы тоже дохнут, цветы пожирают коровы, их топчут ноги, рвут под корень человеческие руки, чтобы потом воткнуть в банку с водой, а завтра вышвырнуть на помойку вместе с объедками со стола.

Солнце освещало мир и не понимало, что мир полон вражды, страха и смерти. Оно не знало, что страх царит под его лучами, а с наступлением темноты он становится непреодолимым. Солнце не знало, что оно приносит радость только детям и старикам. Детям, потому что они любят просыпаться, любят радоваться новому дню, который будет нести новые радости, новые открытия, новые забавы. А стариков оно радует потому, что жизнь пока не закончилась…

Глава 3

Посмотреть на Красную скалу Антон отправился утром. Огр бежал рядом, то и дело отлучаясь в кусты. То ли мыши, то ли змеи его интересовали. Ему бы собачьи заботы. Тут другие «мыши» и «змеи». А если уж думать в аллегориях, то змеи ему все чаще встречаются трехглазые. И все как в сказках, одну рувишь, а три вырастают. Нет, он не жаловался, не отчаялся. Он рубил их с ожесточением, он сражался с ними, не щадя себя...

Больно было видеть и знать то, что эти змеи все равно успевали жалить и кусать неповинных людей. Тех, кто не ожидает укуса, подлого нападения, тех, кто верит в полицию, надеется на ее помощь, порядочность, кто еще идет к ним с верой и своими проблемами. Антона коробило, когда он представлял себя на месте такого вот гражданина или гражданки, которые приходят с заявлением, с надеждой на помощь, на справедливость. А потом... проходят дни, недели, месяцы, а остается только горькое понимание, что ты никому не нужен, что никто ничего искать не будет. Ты стоишь и буквально ощущаешь, что своим присутствием, своим существованием мешаешь этим людям в погонах жить и работать. Они ведь такие занятые, а тут ты со своими заявлениями... Век бы этих пострадавших не видеть!

Когда мысли скатывались к этой теме, Антона всегда передергивало, как от холодной воды. Он сразу начинал вспоминать своих коллег, которые идут под пули, потому что хотят искоренить преступность, которые живут ради того, чтобы преступников было меньше на земле. Он знал таких людей, он встречается с ними каждый день, но в стране миллионы людей считают, что в полиции работают только лодыри и мерзавцы. Что именно такие люди и идут туда работать. Точнее не работать... как раз работать они и не умеют. Или умеют, но только на себя. А это уже не полиция...

Деревья то сходились в непроходимую чащу, то разбегались в разные стороны, оставляя чистые светлые лужайки, наполненные солнцем, щебетом птиц и гудением жуков над цветами. Иногда из-под травы выставляли свои замшелые спины древние валуны. Они грелись на солнце и не возражали, если по ним бегали шустрые малахитовые ящерицы или если на них садились бабочки.

Лес жил своей жизнью, где-то рядом текла холодная звонкая река. И никому не было дела до человека с его проблемами, склоками и дележками. Искупаться бы, а то шея уже чешется от паутины и мошки. Вон и псины не против.

– Эй, псины!

Огр остановился и посмотрел укоризненно. Он вывалил красный язык, подышал коротко порывисто, потом зевнул и снова помчался всенюхать и изучать. Брошенный взгляд Антон расценил как замечание. Ну что ты меня то псиной, то зверюгой зовешь. У меня есть имя, оно мне нравится. Я к нему привык, а все остальное от невоспитанности человека и его безграмотности в отношениях с собакой.

– Все равно ты псины! – крикнул Антон вслед собаке, но в ответ получил только презрительное подергивание спиной.

Антон спорить не стал, а сбежал по тропинке вниз, на еще одну террасу, открылся вид на реку.

Уральские реки все одинаковые, но и все такие разные. Чусовая бурлила и волновалась, обтекая выступ скалы, она злилась и негодовала среди валунов, которые выпирали посреди русла. А потом вдруг русло расширялось, справа расползался плес, и движение реки успокаивалось. Она еще ворчала, но уже не злилась.

А вон справа и Красная скала. Антон остановился. Голая, изрезанная ветрами стена вздымалась из черной бурной воды, выпячивала грудь, держа на голове раскидистые лапы сосен и ветви коряевых березок. И грудь скалы в самом деле красная. Не кроваво-красная,

не алая. Тут были десятки оттенков: от бурых полос до ржавых потеков. Совсем оранжевые тона и темно-коричневые складки. Но в целом скала выглядела, пожалуй, красной.

— Эх... твою ж... — послышалось снизу вместе с шорохом посыпавшихся камушков и стуком чего-то металлического.

Антон сбежал вниз еще на несколько метров и увидел женщину в синей куртке с засученными рукавами и толстой сумкой через плечо. Она стояла над опрокинутым велосипедом и потирала коленку. Антон не сразу догадался, что женщина — почтальон.

— У вас все в порядке? — окликнул он, спускаясь на тропу. — На кого ругаетесь...

— Что? — посмотрела на него почтальонша недоуменно, а потом кивнула и показала головой на свой велосипед. — А-а, ты про это. Вот зараза, опять цепь заело. Когда-нибудь или ногу сломаю, или шею.

Антон подошел и присел на корточки перед двухколесной машиной. С цепью и в самом деле была беда. Она свернулась почти в кольцо и заклинилась под ведущей шестеренкой. Так бывает, когда натянута слишком слабо. Соскаивает с шестеренки и намертво запрессовывается в самом узком месте.

Выдернуть руками не удалось. Антон хмыкнул и сунул в рот палец, на котором содрал кожу. Почтальонша смотрела на него скептически, но не без надежды. Надо спасать свое мужское реноме, потому что женщины охотно и откровенно разговаривают с незнакомыми мужчинами только в одном случае — если они им доверяют. А какое доверие к типу, который велосипед починить не может.

— Инструмент нужен, — сказал он. — Если шестерню не ослабить, то ничего не получится. Можно ломом, но и его нет.

— Ломом каждый дурак сможет, — привычно вырвалось из уст женщины.

— А вам в какую сторону? — решился Антон. — Я могу его дотащить, а там, глядишь, и инструмент у кого найдется. Вы же не в лес идете в дупло письмо опустить?

— Ой. — Лицо женщины потеплело, хотя и смотрела она на незнакомца как на клоуна. — Ну прямо шутники все стали. Ну дотащи, если не хворый. Небось в школе еще учили, что женщинам надо помогать. Вон, до высокой иду. Старикам газеты несу.

Кивок вправо вдоль берега мог означать, что там есть жилье. Антон поднял велосипед, убедился, что заднее колесо вращаться не будет, и решительно взвалил механизм на плечо. Почтальонша улыбнулась уже теплее и пошла впереди. Двигаясь следом и глядя под ноги, чтобы не сорваться с тропы на осыпи, Антон думал о том, что большая часть женщин относится к мужчинам снисходительно. Отчего это? Почему она сейчас с таким скепсисом с ним говорила? А ведь она Антона видела впервые. По лицу поняла, что он недостоин уважения, или она без уважения относится ко всем мужикам.

Антон вспомнил одну знакомую, потом вторую, третью. Из тех, кто в свое время говорил, что вот мне уже девятнадцать, я уже старуха, и все еще не замужем. Скоро никто и не возьмет. Он помнил, как они соглашались на первое же предложение выйти замуж. Соглашались, потому что больше никто не предлагал, потому что сильный (набил морду какому-то нахалу), предприимчивый (с мужиками срезали зимой где-то полтора километра провода и сдали в металлолом), в меру пьющий — двое его друзей что ни день, то валяются под забором, а этот всегда сам домой приходит.

Знал Антон и о том, как эти пары потом жили. Ни уважения, ни любви, потому что жизнь все равно складывалась так, как и у соседей, и у родственников. Он пил, денег не было, по пьяному делу орал на жену, а иногда и давал волю рукам. И потом начинается: все мужики одинаковые, все они такие-сякие, и пошло-поехало. А в кино, в иностранных сериалах, совсем других мужиков показывают...

— Скажите, а у вас мужики сильно пьют? — спросил Антон.

— А где они не пьют? У вас, что ли, не пьют? Ты откуда приехал, с вопросиками?

– Из Екатеринбурга, – охотно начал врать Антон и тут же закрутил головой, вспомнив, что он давно не видит Огра. – Я писатель. Вот решил посетить глубинку, на природе набраться вдохновения. А может, и домик здесь купить. На лоне природы, так сказать.

– Писа-атель? Что-то ты молод для писателя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.